

Игривый тон Годжо Сатору, точь-в-точь как у капризной японской школьницы, заставил Гэнъитиро Санаду содрогнуться от макушки до пят. Остальные теннисисты из Риккай тоже удручённо притихли, не зная, куда деваться от неловкости.

Глядя на то, как невозмутимо держится Сатору, ни капли не смущаясь своего шутовства, ребята из Риккай невольно засомневались: может, это с ними самими что-то не так?

Атмосфера становилась совсем нелепой, когда мимо как раз проходили игроки Сэйгаку. Заметив, что соперники топчутся на месте, они решили подойти и поздороваться.

Если быть точным, инициативу проявил невысокий паренёк ростом едва ли метра полтора. Тёмно-зелёные волосы взъерошенными вихрами торчали из-под козырька белой кепки. С целеустремлённым видом он направился напрямик к Сэйити Юкимуре и, сверкнув вызывающим взглядом, бросил:

— Ты ведь и есть самый сильный капитан Риккай? Я Рёма Этидзэн. Сыграй со мной!

Гэнъитиро Санада, всё ещё не оправившийся от сокрушительного удара по своему эго, нанесённого кривляниями Сатору, отчаянно искал повод перевести тему. Ему до смерти хотелось прекратить этот нелепый разговор с магом. Подавшись вперёд, он взволнованно бросил наглому первогодке:

— Чтобы бросить вызов Юкимуре, сперва одолей меня!

Сейчас Санаде было абсолютно плевать на строгий устав клуба, запрещающий неофициальные матчи. Ради того, чтобы поскорее отделаться от несносного Сатору, он был готов хоть на утроенные тренировки по возвращении в академию.

Рёма Этидзэн лишь равнодушно скользнул взглядом по вице-капитану. Сейчас все его мысли занимал исключительно Юкимура — тот самый, кто в финале турнира Канто в третьем одиночном разряде буквально разгромил Садахару Инуи.

— Ты ещё слабоват, — небрежно бросил Рёма свою излюбленную фразу. — Я хочу сыграть с капитаном Юкимурой.

Лицо Санады потемнело от гнева. Это невыносимое чувство бессильного раздражения... почему оно казалось таким знакомым? Проклятый мальчишка!

Сатору задумчиво потёр подбородок:

— «Ты ещё слабоват»... Отлично! Надо запомнить, звучит чертовски обидно. Обязательно выдам это Сугуру, когда вернёмся!

Этидзэн покосился на белобрысого детину в тёмных очках. Чего это он передразнивает? И почему он такой верзила?

Разница в росте составляла добрых тридцать сантиметров, так что Рёме пришлось изрядно задрать голову, чтобы рассмотреть хотя бы подбородок Сатору. Почувствовав укол досады, парень отвернулся и упрямо уставился на Юкимуру, ожидая ответа.

Сэйити Юкимура привычным жестом поправил наброшенную на плечи спортивную куртку и спокойно ответил:

— В Риккай неофициальные игры под запретом. Если хочешь встретиться со мной на корте, сделай так, чтобы ваша Сэйгаку дошла до нас на национальном первенстве.

Рёма явно не собирался сдаваться, но тут подросли старшеклассники из его школы:

— Рёма, прекрати!

Недовольно натянув козырёк кепки на самые глаза, Этидзэн неохотно подчинился и отступил назад, оставив свои попытки. Юкимура проводил его равнодушным взглядом. Для него Сэйгаку не представляла угрозы — разгром со счётом 3-0 в недавнем финале говорил сам за себя. По мнению капитана Риккай, даже если их лидер Кунимицу Тэзука вернётся в строй, у этой команды мало шансов пробиться к ним на национальных.

Сатору тем временем всю разглядывал куртку Юкимуры. Ему вспомнилось, что тот не снимал её даже во время матчей, умудряясь всухую громить противников с наброшенным на плечи снаряжением.

«О, шикарно! Отличный способ порисоваться!» — мысленно отметил он.

Хара взглянул на часы в телефоне и мягко коснулся плеча брата:

— Сатору, в той кондитерской скоро начнётся продажа лимитированной серии.

— Тогда бежим! — Младший мгновенно схватил Хару за руку. — Опоздаем же!

Не успели теннисисты и глазом моргнуть, как силуэты близнецов буквально растворились в воздухе. Ребята из обеих школ замерли в глубоком недоумении, всю хлопая глазами.

— Эй... а как они это сделали? — Бунта Маруи ошеломлённо протёр глаза. — Кто-нибудь успел заметить, куда они делись?

Эйдзи Кикумару из Сэйгаку, всегда гордившийся своим безупречным динамическим зрением, выглядел совершенно раздавленным:

— Вообще ничего не разобрал. Просто... вжик, и пустота. Слишком быстро, мои глаза такое не улавливают!

Юкимура, знавший, что братья Годжо — сильнейшие маги, обладающие паранормальными способностями, отнёсся к этому спокойно. Слегка улыбнувшись, он обратился к своей команде:

— Идёмте обедать. После этого сразу возвращаемся в Риккай.

Рэндзи Янаги открыл свой неизменный блокнот на чистой странице и аккуратно записал свежие наблюдения о близнецах. Первой же строчкой пометил: «Скорость перемещения превосходит физиологические возможности человеческого глаза».

Когда близнецы добрались до кондитерской, хвост очереди за редким лакомством уже змеился далеко за пределами дверей. Они послушно пристроились в самый конец. Если Хара никуда не торопился, он принципиально не прибегал к силе денег, чтобы подкупить кого-то из стоящих впереди. Сладости, ради которых пришлось честно выстоять очередь, казались ему лучшим доказательством заботы о младшем брате.

Сатору тоже нравилась эта нехитрая романтика. В череде бесконечных заданий возможность вот так просто постоять на улице была глотком свежего воздуха. Да и десерт, добытый собственным трудом, на вкус всегда казался слаще.

Два рослых беловолосых юноши заметно выделялись на фоне толпы. Их безупречная внешность приковывала взгляды, а уж когда Хара, не обмотавший сегодня глаза привычной белой лентой, являл миру завораживающий узор своих небесно-голубых Шести глаз, прохожие и вовсе застывали как вкопанные.

Впрочем, братья давно привыкли быть в центре внимания. Чужое любопытство их ничуть не трогало; они непринуждённо переговаривались, склонив головы друг к другу.

Несколько смелых девушек попытались завести знакомство. Хара вежливо, но твёрдо отказывал с полуслова. За его мягкой улыбкой крылась такая непреодолимая дистанция, что докучать ему никто не решался.

Сатору, напротив, охотно вступал в беседу, вот только его манера общения быстро рушила любые надежды на кокетство. Стоило очередной поклоннице смущённо пролепетать:

— Ты такой красивый, ты мне очень нравишься!

Как Сатору самодовольно заливался хохотом:

— Ха-ха! Сразу видно, у тебя отличный вкус! Я ведь и правда самый красивый в мире. Сам от себя тащусь!

После такого продолжать разговор было решительно невозможно.

Выросший в тепличном обожании, Сатору совершенно не умел считывать чужие эмоции или подстраиваться под настроение собеседника. Он рубил правду-матку, руководствуясь лишь сиюминутным порывом и искренне полагая, что прямота превышает глупых приличий.

Для Хары эта черта была признаком чистоты духа и очаровательной непосредственности. Но для посторонних Сатору оставался невыносимо эгоцентричным грубияном.

Неудивительно, что вскоре все искательницы приключений испарились.

Сам виновник ничуть не расстроился. Сдув со лба белоснежную прядь, он самодовольно заключил:

— Ну ещё бы! Я настолько безупречен, что они просто робеют перед моим величием.

Хара ласково улыбнулся и кивнул:

— Мой Сатору — самый лучший. А у них просто хватило ума вовремя отступить.

Люди в очереди, ставшие невольными свидетелями этого словесного погрома, только беззвучно разевали рты от изумления.

"Что за пелена застилает ваши прекрасные глаза, раз вы упорно не замечаете очевидного?" — мысленно сокрушались прохожие.

Очередь потихоньку продвигалась вперёд. Наконец настал их черёд делать заказ.

— Выбирай, что хочешь, — обратился Хара к брату.

Правила заведения были строгими: не более трёх десертов в одни руки, причём без повторений. А ассортимент витрины манил таким разнообразием, что глаза разбегались. Впрочем, Сатору определился заранее. Его длинный палец замелькал перед стеклом:

— Вот этот, этот, этот и ещё вон тот...

Он безошибочно выбрал шесть пирожных, которые пришлось бы по вкусу им обоим.

Вежливый кондитер аккуратно достал лакомства из холодильной камеры и поинтересовался, упаковать ли их с собой.

— Мы съедим здесь, — отозвался Сатору.

Шесть маленьких порций для него были лишь разминкой, к тому же торопиться было некуда. Близнецы устроились за уютным столиком, скрытым от посторонних глаз пышными декоративными растениями. Вскоре служащий принёс заказ, заставив всю столешницу яркими тарелочками.

Сатору бережно подвинул к брату одну из пиал:

— Держи, это овсяный пудинг с морской солью. Он не приторный, тебе понравится.

Приняв подношение с благодарной улыбкой, Хара не спеша зачерпнул нежное лакомство ложечкой. Действительно, сладость была умеренной. Его собственное тело уже давно начало терять физиологическую потребность в пище, и вкус еды больше не приносил прежней радости. Но то томящее тепло, с которым Сатору делился с ним, согревало душу куда лучше любого десерта. Хара с удовольствием опустошил пиалу до дна.

Заметив довольный вид брата, Сатору через их ментальную связь уловил волну искренней признательности. Решив, что угадал с выбором, он мысленно сделал пометку обязательно вернуться сюда за этим пудингом.

Когда Сатору попытался всучить ему ещё кусочек другого торта, Хара мягко покачал головой:

— С меня довольно, Сатору. Нужно оставить место для нормального обеда.

Младший не стал настаивать и принялся за дело сам. Порции были крошечными, так что пять пирожных исчезли в его желудке мгновенно. Сахар быстро усвоился, даруя утомлённому мозгу долгожданную подзарядку, и Сатору заметно расслабился.

Вскоре они переместились в соседний ресторанчик. Несмотря на обилие съеденного сахара, аппетит Сатору ничуть не угас. На недоумённый взгляд Хары он лишь рассмеялся:

— Для сладкого и для нормальной еды у меня разные желудки!

Хара прекрасно понимал истинную причину безумной тяги брата к сладкому. Шесть глаз требовали колоссального объёма вычислительной мощности, буквально выжигая ресурсы мозга. Обладая той же врождённой техникой, Хара знал: сколько глюкозы ни поглощай, глаза поглотят её без остатка. Сахару попросту некогда было откладываться в организме.

Сам Хара в детстве спасался концентрированными энергетическими батончиками. Гадость была редкостная, зато калорийная и практичная. Но по мере того как его понимание нитей мироздания и фундаментальных законов крепло, тело научилось напрямую впитывать чистую энергию из окружающего пространства. Постепенно нужда в искусственной подпитке отпала сама собой, заставив забыть даже о голоде и жажде.

Хара не раз порывался передать свои знания брату, но быстро осознал: эти законы невозможно выразить словами. Постичь их дано лишь тому, чьему взору открыты сияющие струны бытия. Не видя их, воспроизвести метод было невыносимо.

Пришлось смириться. Однако Хара сумел обучить Сатору ценному побочному эффекту своих изысканий — мгновенной активации техник без использования заклинаний и ритуальных жестов. Обычно даже сильнейшим магам требовалось время на печать или вербальную формулу, но Хара открыл способ обходить эти условности, высвобождая проклятую энергию чистым импульсом мысли. Для Сатору, владевшего той же Безграничностью, этот опыт стал бесценным даром, который он перенял с лёгкостью гения.

Осознание этого помогло Харе примириться со своей уникальностью. В конце концов, то, что Сатору оставался далёк от этих абстрактных законов, имело свои плюсы. Хара не желал брату своей участи — медленного превращения в нечто чуждое человеческой природе, равнодушное к земным радостям вроде вкуса любимых сладостей.

Сам Хара давно перестал испытывать сильные эмоции. Мир казался ему тусклым, и лишь капризы Сатору заставляли его сердце биться быстрее, пробуждая крупинки прежнего тепла. Именно поэтому его потакание любым безумствам брата не знало границ — оно было поистине безграничным.

Иногда Сатору ради забавы пытался нащупать границы этого терпения, но всякий раз убеждался: никаких рамок нет. Брату было плевать на правила. Поняв это, младший окончательно отбросил скромность и творил всё, что взбредёт в голову. Он знал: какую бы глупость он ни выкинул, Хара всегда прикроет его спину.

Едва покончив с обедом, Сатору объявил, что им срочно нужен инвентарь для тенниса. Сказано — сделано. Если уж он решил устроить турнир в Токийском магическом колледже, то подходил к делу со всей серьёзностью.

Он притащил Хару в крупнейший магазин спортивных товаров, где скупил несколько десятков комплектов самого дорогого снаряжения.

— Наша сила слишком велика для этих хлипких игрушек, так что ломаться они будут пачками. Лучше взять с запасом, — деловито пояснил Сатору.

Видя объём закупок, пожилой владелец лавки принял белобрысого юношу за представителя какого-нибудь элитного школьного клуба. Впрочем, доля истины в этом была. Расплывшись в улыбке, торговец предложил бесплатную доставку.

Хара вежливо отказался:

— Благодарю, но мы заберём всё сами.

Токийский магический колледж располагался глубоко в горах на окраине города, далёко от Канагавы, к тому же вся территория была скрыта защитными барьерами. Обычным людям туда соваться не следовало. Решив проблему одним звонком, Хара вызвал вспомогательного управляющего Сина Годзё в качестве бесплатной рабочей силы.

Предупреждённый заранее, тот пригнал вместительный внедорожник с огромным багажником, куда без труда поместились коробки с ракетками и мячами.

Доставив братьев в магический колледж, Син Годзё послушно перетаскал весь груз на склад. Сатору даже не взглянул в его сторону. Выхватив пару новеньких ракеток и мяч, он нетерпеливо потащил Хару на спортивную площадку.

— Брат, сыграем прямо сейчас!

Пусть площадка мало походила на теннисный корт, обоим не составило труда мысленно спроецировать идеальную разметку. Даже без сетки и линий их Шесть глаз с абсолютной точностью определяли, попал ли мяч в игровое поле или улетел в аут. Сатору осторожно покатал в ладонях ярко-зелёный упругий мяч. Пришлось сдерживать силу, чтобы случайно не раздавить хрупкую игрушку.

Подбросив мяч, он мягко ударил ракеткой, отправляя его на половину брата:

— Лови, Хара!

Хара с улыбкой встретил снаряд лёгким кручёным движением.

Завязалась быстрая перепалка. Поначалу они приноравливались к весу ракеток, посылая мяч точно в руки друг другу. Но стоило Сатору освоиться, как он тут же коварно закрутил мяч по диагонали, пытаясь застать брата врасплох. О проклятой энергии никто не заикался — оба по умолчанию полагались исключительно на собственные физические возможности.

И хотя их тела уступали абсолютной физической мощи Небесного проклятия Дзэньина Тодзи, их подготовка многократно превосходила человеческий предел. На столь тесном пространстве им было скучно. С какой бы безумной скоростью ни летел мяч, под какими бы невероятными углами он ни отскакивал, близнецы мгновенно оказывались в нужной точке.

Обзор в триста шестьдесят градусов давал колоссальное преимущество. Шесть глаз непрерывно сканировали пространство, просчитывая траекторию, скорость ветра и вращение мяча ещё до того, как он касался струн. Обычная игра быстро наскучила. Сатору хищно

прищурился:

— А теперь держись, братишка! Испытаем кое-что поинтереснее!

Хара заметил, как Сатору пытается отделить проклятую энергию от её эмоционального базиса, желая напитать мяч чистой ментальной волей. Он явно загорелся идеей скопировать знаменитый приём Юкимуры — Лишение пяти чувств. Но для сильного мага это была непосильная задача. Проклятая энергия по природе своей соткана из тёмных эмоций, и попытки разделить их раз за разом оканчивались провалом — мяч неизбежно окутывался привычной синеватой аурой проклятой энергии.

Сатору упрямо закусил губу:

— Чёрт возьми, быть не может! Обычный школьник крутит этот фокус как хочет, а у меня не выходит?

Он спал и видел, как применит эту технику на Гэто Сугуру во время их следующей дружеской стычки.

Хара мягко прервал его метания:

— Сатору, не сравнивай нас с Юкимурой. Он обычный человек, его разум не обременён источником проклятой энергии. Ему куда проще оперировать тем, что называют чистой волей.

Разница крылась в самом строении мозга мага и обычного человека. Но Сатору упрямо отказывался признавать поражение, списывая неудачу на недостаток практики. Он заставил Хару бегать по площадке до самого вечера, тщетно пытаясь поймать то самое неуловимое ощущение ментального контроля.

Когда измотанный дневной миссией Гэто Сугуру наконец показался на дорожке, Сатору всё ещё безуспешно бился над своей задачей. В порыве досады он со всей силы запустил зелёный снаряд прямо в лицо другу.

Сугуру ленивым, отточенным движением перехватил мяч у самого носа и мрачно уставился на близнецов:

— Сатору, это у тебя теперь такое приветствие?

— Ой, да ладно тебе, — Сатору расслабленно оперся на ракетку, изогнувшись всем телом подобно ленивому коту. — Если бы ты не поймал такую мелочь, я бы всерьёз беспокоился, не подхватил ли ты по дороге какое-нибудь слабое проклятие.

Подобные внезапные нападки давно стали их привычным языком общения.

Сугуру, конечно, не обиделся, но упускать повод размяться не собирался. С хрустом потянув шею, он заговорщицки прищурился:

— Раз уж ты так рвёшься в бой, может, проверим твои навыки на практике?

И хотя в чистой силе Сугуру пока отставал, а Сатору к тому же вовсе пользовался обратной проклятой техникой для мгновенного исцеления (из-за чего Сугуру после их спаррингов вечно ходил за помощью к Харе или Иэири Сёко), эти драки приносили огромную пользу его собственному росту.

Но сейчас Сатору был слишком увлечён своей теоретической дилеммой. Он лениво отмахнулся от друга ракеткой:

— Отстань, Сугуру. Я занят решением вопроса планетарного масштаба, мне не до твоих кулаков.

— Вот как? — Сугуру заинтересованно приподнял бровь. — И что же это за великая тайна?

Сатору лишь насупился, погружаясь в расчёты, поэтому за него ответил Хара:

— Он пытается очистить проклятую энергию от эмоционального шума. Оставить только ментальную основу.

— Но разве это возможно? — Сугуру искренне удивился. — Проклятая энергия сама по себе рождается из негатива. Если убрать эмоции, что вообще останется?

— Останется чистая воля, индивидуальный слепок разума, — пояснил Хара со спокойной улыбкой. — У каждого мага свой неповторимый отпечаток проклятой энергии, именно поэтому мы можем отслеживать людей по её остаткам. Проклятая энергия — это сплав воли и эмоций. Сатору хочет научиться использовать этот ментальный компонент отдельно.

Сугуру озадаченно потёр подбородок:

— Ментальный компонент? Нам в колледже о таком точно не рассказывали. Это твоя личная теория?

Загоревшись любопытством, Сугуру пообещал присоединиться к изысканиям. Но будни магов особого ранга были суровы. Бесконечные миссии, частые разъезды, а порой и командировки за границу оставляли слишком мало времени для совместных посиделок. Идея так и осталась приятным хобби на досуге, продвигаясь вперёд черепашьями шагами.

Незаметно подкрался сентябрь. Уходящее лето напоследок обдавало Токио удушливой волной зноя, делая людей раздражительными и нервными. Сентябрь в мире магов традиционно считался сезоном обострения проклятых духов.

Для первокурсников это время стало боевым крещением.

За первый семестр Нанами Кэнто и Хайбара Ю заметно окрепли. Теперь каждый из них мог в одиночку справиться с проклятым духом третьего ранга, а действуя сообща, они без труда одолевали проклятия второго ранга. Именно такое совместное задание вскоре и легло на их стол.

<http://bllate.org/book/19549/2004335>